

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81–112.2

О. В. Лукин

Критерии установления языковых типов: морфема, слово, части речи

Автор анализирует роль теории частей речи в типологических исследованиях. На примере наиболее признанных типологических теорий второй половины XX в. автор демонстрирует необходимость использования в исследованиях по теории частей речи таких критериев, как «слово» и «морфема», подчеркивая взаимосвязь типологических и частеречных исследований. При этом автор статьи указывает на возможность пересмотра списка наиболее признанных языковых типов (изоляция (анализ), агглютинация, флексия, инкорпорация) в сторону его уменьшения.

Ключевые слова: теория частей речи, типология, слово, морфема, граница слова, языковой тип, изоляция (анализ), агглютинация, флексия, инкорпорация.

O. V. Lukin

Criteria to Establish Language Types: Morpheme, Word, Parts of Speech

The author of the published material analyzes the role of the theory of parts of speech in typological investigations. On the example of the most recognized typological theories of the second half of the 20th century the author demonstrates the need to use in studies of the theory of parts of speech such criteria as "a word" and "a morpheme", stressing the relationship between the typological research and the theory of parts of speech. At the same time the author of the article points to the possible revision of the list of the most recognized language types (insulation (analysis), agglutination, inflection, incorporation) in the direction of its reducing.

Keywords: theory of parts of speech, typology, a word, a morpheme, word limit, a language type, isolation (analysis), agglutination, inflection, incorporation.

Как известно, критерии определения и установления языкового типа варьируют в зависимости от общих подходов исследований, нередко страдая эклектикой. Таким образом, совершенно оправданными могут быть признаны сомнения в обоснованиях даже тех типологических феноменов, которые традиционно получили признание: *анализ (изоляция), агглютинация, флексия, инкорпорация*.

Необходимо признать, что непосредственно с типологической характеристикой языков связана проблема границы слова. В самом общем виде ее можно обозначить в виде вопроса: «Почему, например, частица представляет собой отдельное слово, а аффикс – часть слова?». В немалой степени в зависимости от слитного или раздельного написания падежных аффиксов или связок язык может быть отнесен либо к изолирующему, либо к агглютинативному типу, ср.: «Изолирующим обычно называют язык, в котором отношения между словами в предложении выражаются с

помощью порядка слов и служебных слов или частиц. По-видимому, частица отличается от аффикса тем, что представляет собой отдельное слово, а не часть слова. Если так, то отнесение конкретного языка к изолирующему типу в ряде случаев будет зависеть от того, как решается в нем проблема границ слова» [10, с. 29]. Как замечает П. Сгалл, даже на уровне поверхностных структур при обусловленном традицией слитном или раздельном написании элементов естественных языков не всегда ясно, идет ли речь о вспомогательном слове или аффиксе, поэтому различия между анализом (изоляцией) и агглютинацией могут быть не столь велики, как различия между другими типами языков (ср.: "Der Unterschied zwischen Isolation und Agglutination scheint hier nicht wesentlich zu sein... Es ist auch in den Oberflächenstrukturen der natürlichen Sprachen nicht immer klar, ob ein gegebenes Element als ein Hilfswort oder ein Affix klassifiziert werden sollte: vgl. die verschiedenen Meinungen darüber, ob das

Neupersische "analytisch" oder agglutinierend ist; auch die französischen Pronominalformen in *je te le donne*, die gewöhnlich als isolierend oder "analytisch" betrachtet werden, sind von den italienischen agglutinierenden Affixen in *damelo* nicht allzu sehr verschieden, wenn die orthographische Konvention nicht überschätzt wird. In diesem Sinn ist der Unterschied zwischen der Agglutination und Isolation nicht so tief, wie andere Unterschiede der Sprachtypen. In beiden Fällen haben die syntaktischen Elemente die Form eines Morphs, einer Folge von Phonemen, gleichgültig ob nun dieses Morph mit dem autosemantischen Element in eine Wortform verbunden wird oder nicht" [18, с. 13–14].

Возможность/невозможность отделения от обслуживаемого слова другими словами или аффиксами С. Е. Яхонтов считает критерием отделения служебного слова от служебной морфемы (ср., например, «Обычно служебная морфема считается служебным словом (частицей), если она может быть отделена от обслуживаемого ею слова другими словами, и частью слова (аффиксом), если она всегда непосредственно примыкает к этому слову (то есть к остальной его части). Этот критерий – наиболее простой, и применение его в большинстве случаев дает результаты, совпадающие с нашими интуитивными представлениями» [10, с. 30]). Этот кажущийся вполне очевидным критерий он считает наиболее простым, результаты которого совпадают с нашими интуитивными представлениями. Однако данный критерий едва ли может представлять истинную ценность – и в силу апелляции автора к интуиции, и потому что сам он впоследствии признается в его непригодности (ср. [10, с. 34]).

Следует заметить, что, несмотря на действительно большое сходство агглютинирующих аффиксов со словами в языках аналитического (изолирующего) типа, между ними все-таки есть довольно существенное различие: возможность их изолированного употребления в речи. Если абстрагироваться от таких случаев, как русс. *всякие там измы*, который является не чем иным как субстантивацией аффикса *-изм*, то аффикс в любом случае не является членом предложения.

Взаимоотношения служебных морфем и служебных частей речи относятся к наиболее интересным типологическим вопросам. В историческом аспекте Г. фон дер Габелентц предлагал следующую модель взаимодействия служебного слова с морфемой: сначала служебные слова аналитической (изолирующей) стадии постепенно становятся агглютинирующими аффиксами, ко-

торые все теснее смыкаются с корневыми морфемами, пока не появятся флективные аффиксы и альтернации корневых морфем. Дальнейшая фонетическая редукция ведет затем вновь к нефлективным словоформам, функции которых в предложении снова передаются при помощи служебных слов и т. д. (ср.: "...besonders die von Georg von der Gabelentz stammende Lehre über den spiralenförmigen Verlauf der sprachtypologischen Entwicklung, nach der die Hilfsörter des *isolierenden* Stadiums allmählich zu *agglutinierenden* Affixen werden, die dann immer enger mit den Wortstämmen verknüpft werden, bis *flexivische* Endungen und Stammalternationen entstehen; eine weitere phonetische Reduktion führt dann wieder zu unflektierten Wortformen, deren Funktionen im Satz wiederum mit Hilfe von Hilfsörtern angegeben wird, usw." [18, с. 1]). Для изолирующих (аналитических) языков типично почти полное отсутствие согласования, небольшое количество окончаний, зато много служебных слов (предлогов, союзов, вспомогательных глаголов), в то время как для флективных языков типичными признаками являются единственное окончание в (почти) любой словоформе, согласование, альтернирующие формы корня и т. д. (ср.: "Andererseits gibt es eine höchst interessante Sprachtypologie, die nicht zur blossen Klassifikation der Sprachen reduziert werden kann: es ist typisch für die isolierenden ("analytischen") Sprachen, wie das Englische, Französische usw., dass sie (fast) keine Kongruenz, nur wenige Endungen, aber viele Hilfsörter (Präpositionen, Konjunktionen, Hilfsverben) besitzen, während für die flektierenden Sprachen solche Eigenschaften typisch sind, wie eine einzige Endung bei (fast) jeder Wortform, Kongruenz, alternierende Stammformen usw." [18, с. 4]).

1. Изолирующий тип

Существительное

- а. неизменяемость существительного,
- б. многочисленные предлоги,
- в. отсутствие выражения грамматического числа,
- г. отсутствие грамматического рода,
- д. выражение принадлежности (поссесивно-сти) особым словом,
- е. отсутствие омонимии и синонимии падежей,
- ж. тенденция к односложности,
- з. неупотребление суффиксов при образовании сложных и производных слов,
- и. неполное разграничение частей речи.

Прилагательное

- а. неизменяемость прилагательного,
- б. образование степеней сравнения при помощи особых слов.

Наречие

Отсутствие различия между прилагательными и наречиями.

Местоимение

Частое появление местоимения (где в других языках встречается суффикс).

Глагол

- а. выражение различных модификаций основного значения глагола особыми словами,
- б. выражение времен, залогов, наклонений и неличных форм глагола особыми словами,
- в. выражение лица и числа особыми словами,
- г. соответствие форм различных глаголов, отсутствие синонимии и омонимии,
- д. недостаток производных глаголов.

Строение предложения

Существительное или местоимение в качестве подлежащего и глагол.

2. Агглютинирующий тип

Существительное

- а. выражение падежа и числа особыми окончаниями,
- б. именительный падеж – без окончания – как нулевой падеж,
- в. незначительное количество предлогов и послелогов,
- г. отсутствие родов,
- д. наличие посессивных суффиксов,
- е. суффикс в роли артикля,
- ж. возможность присоединения производных суффиксов к окончаниям,
- з. односложная корневая морфема, которая в некоторых случаях переходит в следующий слог,
- и. редкость альтернатив (сингармонизм),
- к. частота словопроизводства.

Прилагательное

Отсутствие согласования атрибутивного прилагательного (падеж, число, посессивность выражены существительным).

Числительное

Количественные числительные не имеют окончаний и употребляются с существительным

в единственном числе, ср. тур. *üç asker* 'три солдата', *büyük asker* 'большой солдат'.

Глагол

- а. большое количество суффиксов, выражающих различные модификации значения глагола,
- б. единый тип спряжения.

Строение предложения

- а. значительное количество разнообразных конструкций,
- б. частое использование неличных форм глагола и ограниченное использование придаточных предложений.

3. Флективный тип

Существительное

- а. наличие падежных окончаний, которые несут и значение числа,
- б. бесспорность существования именительного падежа, имеющего собственное окончание,
- в. по количеству предлогов занимает промежуточное положение между изолирующим и агглютинирующим типом,
- г. различие родов,
- д. принадлежность выражается особым словом,
- е. распространенность синонимии и омонимии, ведущая к многочисленности типов склонения,
- ж. более частые альтернативы,
- з. значительное количество словообразовательных суффиксов.

Прилагательное

- а. различие склонения прилагательного и существительного,
- б. различие родов,
- в. падежное окончание обозначает также число и род,
- г. согласование с существительным в роде, числе, падеже,
- д. прилагательное не обязательно находится в контактном положении с существительным,
- е. возможность супплетивных форм степеней сравнения.

Числительное

Согласование числительных с существительными во множественном числе.

Местоимение

Промежуточное положение между изолирующим и агглютинирующим типом.

Глагол

а. значительное количество глагольных префиксов,

б. лицо и число выражаются одним окончанием, которое может выражать также время, залог и наклонение,

в. многообразии форм некоторых глаголов.

Строение предложения

Тенденция к преимущественному использованию придаточных предложений по сравнению с инфинитивными и причастными конструкциями.

4. Интрофлексивный тип*Сущительное*

Изменения в корне (ср. араб. *ridschlun* 'нога', *ardschulun* 'ноги').

5. Полисинтетический тип

а. слова не склоняются и не спрягаются,

б. сложные слова.

Нельзя не увидеть, что в приведенном анализе представлены далеко не все части речи традиционных классификаций, особенно это касается т. н. «служебных» частей речи. Кроме того, анализ выделяемых В. Скаличкой интрофлексивного и полисинтетического типов ограничивается поверхностными, на первый взгляд, замечаниями.

Неудивительно поэтому, что в качестве единственно достоверных грамматических критериев для ряда авторов остаются только принятые в американском структурализме сегменты, морфемы, слова (как *minimal free forms*), суффиксы, префиксы, инфиксы, флексии и т. д., которые имеют поэтому абсолютное преимущество перед классификацией частей речи (ср.: "Solche Kategorien haben darum absoluten Vorrang etwa auch vor einem Kategorisieren nach Wortarten" [11, с. 11]).

Классификация основных языковых типов Э. Сепира на изолирующие, аффирующие и символические построена по принципу равенства слова и корня: в изолирующих языках слово всегда равно корню, в аффирующих используются соответствующие аффиксы (внешние), в символических – модификации корня (редупликация, чередование гласных и/или согласных, изменение долготы, ударения, тона) (ср.: "Es wurden dann diejenigen Sprachen, die das Wort stets dem Wurzelement gleichsetzen, als die "isolierende", Gruppe denen gegenübergestellt werden, die entweder Affixe verwenden (affixierende Sprachen) oder die Bedeutung der Wurzelemente mit anderen

Mitteln modifizieren (Reduplikation; innerer Vokal- und Konsonantenwechsel; Anderung der Dauer, der Betonung und der Tonhöhe). Für den letzteren Typ wäre "symbolische Sprachen" ein nicht unpassender Name" [17, с. 119]). Таким образом, в основе типологической классификации Э. Сепира лежит бинарная оппозиция «языки со словом равным корню/языки со словом неравным корню». За ней следует еще одна, дающая характеристику аффиксам как внешним или внутренним, за ней – еще одна, характеризующая аффиксы по их положению относительно корня. Получившаяся в результате этого система заведомо не гомогенна, то есть ее четыре элемента обладают разным по количеству набором признаков – критериев классификации. Естественно, что при дальнейшем увеличении количества критериев классификации и их разнообразных комбинациях друг с другом количество типов значительно увеличивается, если не сказать, что каждый язык становится представителем собственного типа (ср. [17, с. 133]).

Количество типов языка, имеющее известную в научной практике тенденцию к увеличению, непосредственно связано с критериями классификации. И чем больше критериев и чем дробнее и разнообразнее они, тем большего количества типов мы вправе ожидать. К тому же не все критерии равнозначны: они обладают ярко выраженной иерархической структурой, с чем связаны разногласия в статусе и количестве языковых типов. Сведение количества языковых типов если не к абсолютному минимуму, то, по крайней мере, к оправданному оптимуму – не столько задача, сколько очевидная истина. Она позволит устранить многочисленные расхождения между существующими классификациями типов языков. При этом основную роль должны играть формальные различия языков, не связанные механически с особенностями их орфографии. Слитное или раздельное написание, как правило, с одной стороны, обусловлено, традицией, а с другой, вызвано желанием однозначно решить практические вопросы написания слов в спорных случаях. Например, русское словосочетание *железная дорога* морфологически представляет собой два слова, как и *длинная дорога*, *голубое небо* и т. п., тогда как *железнодорожный* – в силу грамматического свойства цельноформленности – имеет такую и только такую орфографическую форму, а не **железно дорожный* или **железно-дорожный*, ср. нем. *Eisenbahn* и франц. *chemin de fer* (букв. *дорога железа*). Равным образом для

решения многих типологических задач целесообразно диалектически подходить к слитному или раздельному написанию слов в разных языках (ср. англ. *stone wall* и нем. *Steinwall*).

По отношению друг к другу значимых языковых знаков (морфем, слов, синтагм, предложений), где каждый последующий состоит из предыдущих, можно сделать ряд выводов о важнейших признаках языковых типов, а именно: в аналитических (изолирующих) языках слово равно морфеме, в агглютинирующих и флективных языках слово, морфема и предложение не совпадают, в инкорпорирующих языках из морфем состоит не слово, а полисинтетический комплекс, близкий к «нашему» предложению или синтагме.

Два основных свойства – «состоять из чего-то» и «свободно употребляться в речи» – должны лежать и, как правило, лежат в основе типологических описаний структуры языков мира. В связи с этим четырехчленная система (*изоляция (анализ), агглютинация, флексия, инкорпорация*) вполне могла бы замениться еще более компактной: можно было бы объединить, например, флективный и агглютинативный типы (по признаку автономности слова), однако для этого требуется проанализировать все системные связи различных языковых типов. Тем не менее, критерий выделенности значимых языковых элементов (слов) из текста признается ведущим критерием (ср.: "Als stringentes Kriterium wird deshalb die Trenn- oder Isolierbarkeit von Elementen aus dem gegebenen Kontext angesetzt" [13, с. 64]), а это еще раз свидетельствует о близости предмета исследования частеречной теории и формальной типологии.

Самый факт, что основные типы языка ориентированы на характер морфологического строения значимых языковых единиц, не может быть поводом для обвинений в узости такой типологии: характер построения значимых языковых единиц является причиной существования других типологически релевантных различий, хотя бы потому, что определенные значения должны находить в каждом языке присущие им средства их формального выражения. В тех языках, где это невозможно сделать с помощью формы слова, должны быть найдены свои способы выражения в средствах иных уровней – синтаксического и фонетического. Поэтому не вполне правомерна критика М. М. Гухман классификации языковых типов В. Скалички как свернутого и обедненного варианта формально-структурной классификации, включающей соотношенные с морфологиче-

скими признаки других уровней языковой системы (ср.: «Иными словами, так называемая морфологическая классификация языков, а вместе с тем и схемы, предложенные в работах Скалички, представляют свернутый и обедненный вариант формально-структурной классификации, включающей не только морфологические, но и соотношенные с ними синтаксические и фонетические параметры. Константность, типологическая релевантность тех зависимостей, которые структурируют каждый формально-структурный тип, еще должны быть исследованы на конкретном материале разных языков...» [3, с. 25]).

Аналогично можно сказать и о взаимоотношениях уровней языковой системы в структурировании частей речи. Аналогии напрашиваются сами собой: части речи, рассматриваемые в традиционных грамматиках многих языков (с легкой руки александрийских грамматистов) прежде всего с точки зрения их морфологических признаков, обладают, разумеется, и многочисленными характеристиками других уровней, чья связь с морфологией является сложной, нелинейной и типологически детерминированной. Даже в так называемых аморфных языках не может не быть того, что называется формой слова (в плане словоизменения и/ или словообразования), и в них связь этих немногих морфологических признаков с фонетическими и синтаксическими выглядит, разумеется, иначе, чем в языках с ведущими признаками флексии или агглютинации. Морфологическое строение слов и его морфологические категории являются определяющими, по крайней мере, для языкового сознания носителей флективных и агглютинирующих языков (ср.: «Каждая часть речи характеризуется особой системой морфологических категорий. Будучи выражены морфологически, наборы грамматических категорий охватывают все слова данной части речи или основное ядро этих слов. На этом основан морфологический критерий выделения частей речи в неаморфных языках. ... При морфологической классификации выделяются формы, совмещающие в себе морфологические признаки разных частей речи (например, причастия, обладающие морфологическими признаками глагола и имени). Хотя синтаксические признаки выделения частей речи типологически универсальные, а морфологические признаки таковыми не являются, именно морфологические признаки, имеющие явное (эксплицитное) выражение, могут быть определяющими для языкового созна-

ния носителей флективных и агглютинирующих языков” [4, с. 578]).

Мнение С. Д. Кацнельсона, что грамматика подобна айсбергу, большая часть которого находится под водой [15, с. 103], перекликается со словами К. Кноблоха, что значительная часть выполняемой языками работы по технике представления остается без консистентного морфологического выражения [16, с. 12], который пытается свести типологические исследования исключительно к описанию морфологической формы слова. Так, очевидно, можно понять его высказывание о том, что каждый язык должен остановить маятник своего выбора между потребностью в открытости и функциональной гибкости словесных единиц, с одной стороны, и потребностью во внешнем выражении для категорий представления и категорий мыслимого, с другой. Максимально эксплицитным в морфологическом отношении («агглютинирующим») называется турецкий язык, который при помощи своей техники строения достигает того же, что и максимально имплицитный китайский язык без специальной грамматической морфологии: а именно, что **лексемные** единицы остаются открытыми для многообразных использований» (ср.: "Jede Sprache muß das Bedürfnis nach Offenhaltung und funktionaler Flexibilität der Wortainheiten auspendeln mit dem Bedürfnis nach Außenstützung für die darstellungstechnischen Kategorien und die des Gemeinten. Nach dieser Seite wird gar die relative Equivalenz absolut entgegengesetzter morphosyntaktischen Bautechniken evident. Das morphologisch maximal explizite ("agglutinierende") Türkisch erreicht mit seiner Technik das gleiche, wie das maximal implizite Chinesisch ohne spezialisierte grammatische Morphologit: daß nämlich die **lexemischen** Einheiten funktional offengehalten werden für vielfältige Verwendungen" [16, с. 13]).

Кстати, нередкая в классификациях частей речи оппозиция «флектируемые/ нефлектируемые части речи» была бы еще возможна в языках с наличием флексии или с ее реликтами. Более того, она была бы вполне объяснима в работах, претендующих на универсальность и строящих свои рассуждения на материалах древнегреческих и римских грамматик. Но постановка вопроса о морфологии как единственной критерии классификации невозможна даже в языках с ярко выраженными флективными характеристиками (ср.: "Morphologische Kriterien allein können schon wegen der Polyfunktionalität der Wörter ... keine hinreichende Klassifikationsbasis angeben. ... lassen

sich auch für Sprachen mit ausgeprägter Morphologie nur Teilbereiche des Wortschatzes hinreichend nach rein morphologischen Kriterien klassifizieren" [14, с. 48]).

И теория частей речи, и типология языков самым непосредственным образом связаны с понятием «признак» и стремятся установить характерные признаки в качестве принципов классификации исследуемых феноменов. При этом морфологические признаки как наиболее традиционные нередко кажутся более значимыми. Однако взаимодействие разноуровневых признаков играет при этом не самую последнюю роль. Рассматривая десять индексов Дж. Гринберга, нельзя также не заметить непосредственной связи частеречной проблематики с типологической классификацией языков, ср.:

(1) M/W = индекс синтеза [M = морфема, W = слово]

(2) A/J = индекс агглютинации [A = количество агглютинативных конструкций, J = количество морфемных юнкторов]

(3) R/W = индекс словосложения [R = количество корневых морфем]

(4) D/W = индекс деривации [отношение деривационных морфем к словам]

(5) I/W = индекс преобладающего словоизменения [отношение флективных морфем к словам]

(6) P/W = индекс префиксации [отношение префиксов к словам]

(7) S/W = индекс суффиксации [отношение суффиксов к словам]

(8) O/N = индекс изоляции [O = order; N = nexus]

(9) Pi/N = индекс словоизменения в чистом виде [Pi = словоизменение в чистом виде]

(10) Co/N = индекс согласования [Co = согласование] [12, с. 187; 2, с. 79–80].

Постоянно используемое Дж. Гринбергом понятие «слово», релевантное как для теории частей речи, так и для типологии языков, является действительно многомерной, комплексной категорией – морфологической, лексической, синтаксической. Слова и их классы (части речи) играют важную роль в различных типологических конструкциях. В гринберговском количественном подходе к типологии языков, его универсальных импликациях мы имеем дело с глаголами, существительными, прилагательными, наречиями, числительными, местоимениями, предлогами, послелогоми, частицами, которые представляются чем-то само собой разумеющимся для всех языков. Комбинации и последовательность зна-

чимых элементов в самом широком смысле – от морфемы до слова, лежат в основе типологического подхода Дж. Гринберга.

Этот подход в его многочисленных разновидностях широко используется другими исследователями. Так, П. Сгалл рассматривает семантический уровень как систему лексических и морфологических значений и отношения между ними (синтаксические функции). Пять языковых типов В. Скалички П. Сгалл группирует по признаку взаимоотношений между значимыми отрезками речевой цепи в зависимости от их самостоятельности// несамостоятельности. В качестве основы для языковых типов П. Сгалл рассматривает семантический уровень как систему («лексических» и «морфологических») значений и отношений между ними («синтаксические функции»). Отношения глубинной структуры (тектограмматические) между этими значениями (между «автосемантическими» словами) могут выражаться только следующим способом:

1. При помощи линейного расположения автосемантических слов – полисинтетический тип.

2. При помощи самостоятельных морфем (вспомогательных слов или т. н. синсемантических морфем, которые имеют статус, схожий со статусом автосемантических слов) – изолирующий или аналитический тип.

3. При помощи морфем, имеющих иной статус (а именно морфем, присоединяемых к автосемантическим морфемам и вместе с ними образующих словоформу) – агглютинирующий тип.

4. При помощи альтернации (морфологической вариации) автосемантических морфем – флектирующий тип.

5. Если эта альтернация затрагивает внутреннюю часть морфемы, речь идет об интрофлексивном типе (см. [18, с. 8–10]).

В конечном итоге здесь предложена трихотомия принципов, которые структурируют выражение синсемантических элементов: либо эти элементы выражаются специфическими морфемами (изолирующий или агглютинирующий), либо формой автосемантических элементов (флексия), либо их расположением (полисинтетический) [18, с. 14]. Эта трихотомия основана на характере и порядке следования значимых элементов речи – морфов и слов.

Перечисление морфологических, синтаксических, словообразовательных и даже фонетических особенностей с точки зрения внутриуровневой (морфологической) типологии, предложенное В. Скаличкой, демонстрирует наличие им-

пликаций, существующих между уровнями языковой системы, например, если в языке есть придаточные предложения, то существует противопоставление между именем и глаголом, если придаточные предложения не развиты, то противопоставление между именем и глаголом выражено слабо, что отражается в большом количестве инфинитивов и причастий (ср.: "...wenn in der Sprache ein Nebensatz vorhanden ist, so gibt es auch den Unterschied zwischen dem Nomen und Verbum; wenn die Nebensätze nicht entwickelt sind, so wird der Unterschied zwischen dem Nomen und Verbum schwach zum Ausdruck gebracht, was in Vielzahl von Infinitiven und Partizipien widergespiegelt wird" [7, с. 26]). Об этом свидетельствуют также многочисленные совпадения соответствующих признаков разных уровней языковой системы различных языков. Однако есть важные признаки, которые играют более значительную роль для определенных языковых типов. Так, языки **флективного** типа имеют следующие признаки:

1. Слабое противопоставление корней и аффиксов.

2. Сильное противопоставление частей речи.

3. Свободный порядок слов в предложении.

4. Сильно развитая синонимия и омонимия грамматических элементов.

5. Согласование морфологических категорий прилагательного и существительного, глагола и существительного и т. д.

Для **агглютинирующих** языков типичными являются следующие признаки:

1. Слабое противопоставление словообразовательных и грамматических аффиксов.

2. Малое количество формальных слов.

3. Строгий порядок слов SOV (субъект-объект-глагол).

4. Большое количество неличных глагольных форм.

Характерной чертой языков с **аналитическими** (в традиционной терминологии – изолирующими) тенденциями является невозможность достаточно четкого выделения такой единицы как слово (ср.: "Andererseits gibt es eine höchst interessante Sprachtypologie, die nicht zur blossen Klassifikation der Sprachen reduziert werden kann: es ist typisch für die isolierenden ("analytischen") Sprachen, wie das Englische, Französische usw., dass sie (fast) keine Kongruenz, nur wenige Endungen, aber viele Hilfsörter (Präpositionen, Konjunktionen, Hilfsverben) besitzen, während für die flektierenden Sprachen solche Eigenschaften typisch

sind, wie eine einzige Endung bei (fast) jeder Wortform, alternierende Sprachformen usw." [18, с. 4]).

Таким образом, можно установить наличие признаков различных языковых уровней в морфологической классификации языков, при этом признаки различных уровней языковой системы находятся во взаимодействии, определяя особенности типологических характеристик отдельных языков. И неизменно такие величины, как «слово» и «часть речи», находятся в центре внимания типологов.

Типологическую схему иного плана предложил Ч. Базелл. Она в меньшей степени касается уровней языковой системы, а более затрагивает отношения между возможностями членения языкового материала (его сегментации) и выделения парадигматических классов (классификации). Языки, где отношения между сегментацией и классификацией равны «1:1», являются агглютинирующими, языки с «плохой» сегментацией и «хорошей» классификацией являются флектирующими, языки с «хорошей» сегментацией и «плохой» классификацией – аналитическими ([1, с. 21; 6, с. 4]).

Критерии такого рода, впрочем, достаточно однозначны в их логическом строении и могут затрагивать не только морфологический уровень языковой системы, но и единицы вышележащих уровней. Однако сам принцип отношений между сегментацией и классификацией (а в конечном итоге – и между формой и содержанием языкового высказывания) нам представляется особенно релевантным именно с точки зрения структурной типологии.

Установленные лингвистами языковые типы различны, однако они часто смешиваются и даже перемешиваются. Чтобы избежать перемешивания различных морфологических типов языков, по крайней мере, на морфологическом уровне, необходимо понять сущность двух бинарных оппозиций:

1. Флектирующий тип отличается от агглютинирующего тем, что морфемы во флектирующих языках обладают свойствами синонимии и омонимии, например, одно и то же грамматическое значение может быть выражено при помощи нескольких морфем. В агглютинирующих языках одна морфема имеет лишь одно значение.

2. Различие между агглютинирующим и аналитическим типами языка состоит, прежде всего, в порядке следования грамматически значимых маркеров до или после корневой морфемы и в их изменчивости, в степени их свободы и их взаи-

модействия друг с другом. Это значит, что в языках аналитического типа речь идет о взаимоотношениях равноправных грамматических маркеров, имеющих или не имеющих определенный признак, связанный с тем или иным содержанием. В языках агглютинирующего типа речь может идти лишь о наличии или отсутствии маркера, или о нулевом маркере, или же об одном или о другом маркере.

Сопоставление маркеров с классами полнозначных или служебных слов как критерий различения аналитического и агглютинативного типов [9, с. 82–83] не представляется нам бесспорным. За исключением крайних случаев данный критерий, определяющий маркер как слово или как морфему, является, на наш взгляд, не вполне корректным. Сама же идея В. М. Солнцева, что в языке могут отсутствовать морфемы, но не слова [8, с. 33], не предполагает критерия различения аналитического и агглютинирующего типов и приводит к сомнению в том, существуют ли вообще маркеры обоих языковых типов. Не случайно Е. Д. Поливанов относит агглютинацию к одному из подразделов анализа [5, с. 51–52] (ср. также мнение П. Сгалла о несущественности различий между этими типами: "Der Unterschied zwischen Isolation und Agglutination scheint hier nicht wesentlich zu sein; denn bevor man zu den Oberflächenstrukturen kommt, gibt es keine entscheidenden Kriterien, die klar zeigen können, ob die syntaktischen (und andere syntaktisch nicht von anderen Einheiten ergänzbare) Elemente als selbständige Symbole (Terme, Funktoren), oder als Bestandteile der komplexen Symbole beschrieben werden sollen" [18, с. 13]). Термин «анализ» связан, по нашему мнению, прежде всего с использованием служебных слов, полностью потерявших свою собственную лексическую семантику (артикли, вспомогательные глаголы).

Библиографический список

1. Базелл, Ч. Лингвистическая типология [Текст] / Ч. Базелл // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М. : Наука, 1972. – С. 15–30.
2. Гринберг, Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков [Текст] / Дж. Гринберг // Новое в лингвистике. Вып. III. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1963. – С. 60–94.
3. Гухман, М. М. Историческая типология и проблема диахронических констант [Текст] / М. М. Гухман. – М. : Наука, 1981. – 248 с.
4. Живов, В. М. Части речи [Текст] / В. М. Живов // Ярцева В. Н. (гл. ред.) Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : ЛИНГВА, 1996. – С. 115–116.

лопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 578.

5. Поливанов, Е. Д. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык (к современной стадии узбекского языкового строительства) [Текст] / Е. Д. Поливанов. – Ташкент : Узгосиздат, 1933. – 44 с.

6. Ревзина, О. Г. Предисловие [Текст] / О. Г. Ревзина // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М. : Наука. – С. 3–14.

7. Скаличка, В. К вопросу о типологии [Текст] / В. Скаличка // Вопросы языкознания. – 1966. – № 4. – С. 22–30.

8. Солнцев, В. М. Типология и тип языка [Текст] / В. Скаличка // Вопросы языкознания. – 1978. – № 2. – С. 26–41.

9. Солнцева, Н. В. Анализ и аналитизм [Текст] / Н. В. Солнцева, В. М. Солнцев // Аналитические конструкции в языках различных типов. – М.–Л. : Наука, 1965. – С. 80–88.

10. Яхонтов, С. Е. Некоторые признаки изолирующего типа языков [Текст] / С. Е. Яхонтов // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. – Л. : Наука, 1977. – С. 29–36.

11. Fischer, H.-D.; Uerpmann H. Einführung in die deutsche Sprachwissenschaft. Ein Arbeitsbuch / H.-D. Fischer, H. Uerpmann. – München: Ehrenwirt, 1982. – 238 S.

12. Greenberg, J. H. A quantitative approach to the morphological typology of language / J. H. Greenberg // International Journal of American Linguistics, 1960, 26. – pp. 178–194.

13. Ineichen, G. Allgemeine Sprachtypologie: Ansätze und Methoden / G. Ineichen. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1979. – 214 S.

14. Kaltz, B. Zur Wortartenproblematik aus wissenschaftsgeschichtlicher Sicht / B. Kaltz. – Hamburg: Helmut Buske Verlag (Hamburger philologische Studien; Bd. 57), 1983. – 155 S.

15. Kaznelson, S. D. Sprachtypologie und Sprachdenken / S. D. Kaznelson. – Berlin: Akademie-Verlag (Reihe Sprache und Gesellschaft; 5), 1974. – 272 S.

16. Knobloch, C. Sprache als Technik der Rede. Beiträge zu einer Linguistik des Sprechens / C. Knobloch. – Frankfurt/M.: Peter Lang (Theorie und Vermittlung der Sprache; Bd. 9), 1988. – 246 S.

17. Sapir, E. Die Sprache. Eine Einführung in das Wesen der Sprache / E. Sapir. – München: Max Hueber Verlag, 1972. – 206 S.

18. Sgall, P. Die Sprachtypologie V. Skaličkas / P. Sgall // V. Skalička Typologische Studien. – Braunschweig/ Wiesbaden: Friedr. Vieweg & Sohn, 1979. – S. 1–20.